

жиданной зрелости) поэзия Г. тяготеет к величественным гармоническим картинам: «После смерти я выйду за город, который люблю, / И, подняв к небу морду, рога запрокинув за плечи, / Одержимый печалью, в осенний простор протрублю / То, на что не хватило мне слов человеческой речи» («Стансы»).

Жизненные обстоятельства (мозговая опухоль, опасность смертельного исхода, операция) обострили восприятие художником окружающей действительности, спровоцировали обращение Г. к жанру «автобиографической» повести. «Трепанация черепа» представляет собой цепочку воспоминаний авторского персонажа, «по касательной» охватывающих события политической жизни страны, на фоне которой разворачивается жизнь главного героя, его приятелей-собутельников и коллег-творцов, семьи, родственников, государства. Частное превращается в коллективное, лирическое в публицистическое, конкретное обретает черты всеобщности. «Герой Гандлевского, что достаточно редко акцентируется в постмодернистском контексте, хочет брать на себя ответственность за аутентичность истории, за собственную судьбу, подаренную ему — удачным исходом операции — во второй раз <...> и даже за персонажа, чье имя совпадает с именем автора» (В. Курицын).

Роман «<НРЗБ>» написан Г. в иной стилистике. «Жанровое» определение повествования как «романа», данное то ли в названии, то ли в подзаголовке, в действительности определяет не форму, а содержание письма, т. к. в очень небольшом по объему произведении (повести) рассказывается не творческая, не жизненная, а по преимуществу любовная история героя: прошедшее через всю жизнь чувство неразделенной любви к не очень красивой, не очень талантливой, не очень целомудренной Ане.

В ходе повествования возраст героя-повествователя Льва Криворотова меняется: в 1-й и 3-й частях он молод, «неполных двадцати лет от роду», член «кружка литературной самодельности», начинающий и подающий надежды поэт, «гений», пишущий «каждое новое стихотворение <...> по одному в неделю»; во 2-й и 4-й частях герой «мягко говоря, немолод», ему 49. О себе он теперь говорит: «Таланта у меня нет. Были кое-какие способности, да все вышли <...>». Хотя место в истории литературы мне обеспечено. Не за личные, правда, поэтические заслуги, а за вспомогательные: выбился в истеблишмент благодаря комментированию «катакомбной лирики»

умершего поэта из самиздата 70-х. Композиционное построение «романа», основанное на чередовании «прошлого» и «настоящего», с намеренным усилением субъективации повествования, написанного с элементами «ностальгической грусти», делают прозаическое повествование «<НРЗБ>» близким поэтическому творчеству Г.

Г. удостоен премии «Антибукер» за лучшую поэтическую книгу («Праздник») (1996), Малой Букеровской премии за повесть «Трепанация черепа» (1996), премии «Северная Пальмира» за книгу стихов «Конспект» (2000).

Член Союза российских писателей. Участник поэтических фестивалей и выступлений в Австрии, Англии, США, Швеции. Ред. отдела критики и публицистики ж. «Иностр. лит-ра».

Соч.: Рассказ: книга стихов. М., 1989; Праздник: книга стихов. СПб., 1995; Трепанация черепа: автобиографическая повесть. СПб., 1996; Поэтическая кухня: эссе. СПб., 1998; Конспект: стих. СПб., 1999; Порядок слов: стихи, повесть, пьеса, эссе. Екатеринбург, 2000; «НРЗБ»: роман // Знамя. 2002. № 1.

Лит.: Зорин А. «Альманах» — взгляд из зала // Личное дело №: лит.-худож. альм. М., 1991; Генис А. Лестница, приставленная не к той стене // Генис А. Иван Петрович умер. М., 1999; Костырко С. От первого лица // Новый мир. 1995. № 6; Кузнецова О. Представление продолжается: О книге стихов Сергея Гандлевского «Праздник» // Новый мир. 1996. № 8; Куллэ В. Сергей Гандлевский: Поэзия ... бежит ухищрений и лукавства // Знамя. 1997. № 6; Вишневецкий И. [Рец. на «Праздник»] // Зеркало. 1999. № 9–10; Курицын В. С. Гандлевский: пахло русской историей // Курицын В. Русский лит. постмодернизм. М., 2001; Эпштейн М. Каталог новых поэзий // Эпштейн М. Постмодерн в России. Лит-ра и теория. М., 2000.

О. В. Богданова

ГАНИН Алексей Алексеевич [28.7(9.8). 1893, д. Коншино Кадниковского у. Вологодской губ.— 30.3.1925, Москва, Бутырская тюрьма] — поэт, прозаик.

Родился в крестьянской семье. Окончил двуклассное земское училище в с. Усть-Кубинское, затем городскую гимназию в Вологде. В 1911–14 учился в Вологодском фельдшерско-акушерском училище. В 1913 — первая публикация стихов в вологодской газ. «Эхо». В 1914 Г. призывается в армию и проходит службу в Николаевском военном госпитале Петербурга. В начале 1916 знакомится с С. Есениным, служившим в подобном же госпитале в Царском Селе. Летом 1917 вместе с Есениным и З. Райх Г. совершает поезд-

ку на родину, во время которой в Кирико-Иулитовской церкви (неподалеку от Вологды) происходит венчание Есенина с Райх. Г. выступает поручителем со стороны невесты; ей он посвящает тогда же написанное стих. **«Русалка — зеленые косы...»**, в котором признается в тщетной любви к героине, поскольку «Ей сказками на сердце дышит / Разбойник с кудрявых полей», т. е. Есенин.

В 1917 Г. вместе с Клюевым, Есениным и Орешиним публикуется в альм. левозеровской ориентации «Скифы» (сб. 2, указан 1918). В 1918 Г. встречается с А. Блоком, о чем свидетельствует дневниковая запись Блока 20 февр.— в день его чествования по поводу публикации стих. «Скифы»: «... (меня выпили) Есенин, Ганин, Гликин, барышни, моя Люба». Вместе с Есениным (а также А. Мариенгофом) Г. публикуется в имажинистском сб. (2-м) «Конница бурь» (1920).

Демобилизованный в 1916 по состоянию здоровья, Г. в 1918 снова вступает теперь уже в Красную Армию добровольцем и служит фельдшером в госпиталях Северного фронта. После увольнения поступает в Вологодский ин-т народного образования. Активно выступает в печати, в частности в вологодском ж. «Кооперация Севера», в петроградском ж. «Записки Передвижного общедоступного театра», издает в Вологде отдельным миниатюрным изд. поэму **«Звездный корабль»** (1920) и выпускает в 1920–1921 десять изготовленных трудоемким ручным способом малотиражных литографированных книжечек стихов (с указанием на них вымышленного места издания «Коншино» — родная деревня поэта — и вымышленного же изд-ва «Глина»): **«В огне и славе»**, **«Вечер»**, **«Золотое безлюдье»**, **«Кибурба»**, **«Красный час»**, **«Мешок алмазов»**, **«Певучий берег»**, **«Раскованный мир»**, **«Сарай»**, **«Священный клич»**. Осенью 1923 Г. переезжает из Вологды в Москву, где в 1924 выходит наиболее полный и последний сб. его стих. **«Былинное поле»**.

Принадлежащий по своему социальному происхождению, воспитанию и идейно-худож. направленности к группе новокрестьянских поэтов, Г. отличается от них, начинавших свой путь в значительной степени от традиции поэтов-суриковцев, ориентацией исключительно на поэзию символистов (Бальмонт, Блок, Белый). В поэзии Г. разлито настроение грусти, кротости, вздоха по невидимому или утраченному миру, которое более всего присуще поэзии символистов: «Снова душа загрузила о Волге, о тихой печали, / О детских молитвах, поверила в сны золо-

тые...» (Стихи из письма П. Витязеву, 1915). В символизме находит свои истоки и обнаженная философичность поэзии Г., заявляющая о себе в несколько отвлеченных мотивах жизни и смерти, преходящего и вечного, тщетных усилий разума постичь мир и смысл жизни. Этой же традицией обусловлена и заметная рефлексивность лирики Г.

Символистские мотивы касались главным образом пейзажно-лирических горизонтов поэзии Г.: «По скатам и холмам горбатые деревни, / Впивая тишину, уходят в глубь веков» (**«Предутрие»**, 1917). С новокрестьянскими поэтами Г. роднит исключительно земледельческое восприятие мира. День представляется ему «сгорбившимся» от «мужичьих забот», а ветерок «домотканым». Подобно им, труд и жизнь крестьянина он возводит на уровень некоего природно-космического бытия, как, например, в поэме **«Памяти деду»** (1918), в которой отдавший все свои силы земле старый пахарь выступает участником некоей созидательной вселенской мистерии, а его смерть представляется всего лишь паузой отдыха в бесконечном процессе совместного труда крестьянина и матери-земли. Сам себя Г., впрочем, считал не принадлежащим ни к какому лит. направлению и просил называть просто «романтиком начала XX века» (в предисл. к сб. «Былинное поле»).

Революцию 1917 Г. воспринимает поначалу в духе эсхатологических ожиданий преобразования несовершенного старого мира в царство гармонии и благоденствия. Но вскоре, однако, уясняет для себя антикрестьянскую сущность проводимых большевиками «преобразований» и создает ряд произведений, направленных (в иносказательной форме) против сил, угрожающих России, и в первую очередь крестьянству (**«России»**, 1918; поэмы «Сарай», 1917, «Былинное поле», 1917–1923). Сложным раздумьям о дальнейшем пути крестьянства в трудной и неясной для него исторической обстановке посвящает он своеобразный роман-притчу **«Завтра»** (1923). Это историческое прозрение, равно как и общее трагическое восприятие эпохи классовой борьбы и террора, придает творчеству Г. преобладающее пессимистическое звучание. Светлое начало связано с образами крестьянского и космического мира (звезд, Солнца), а также «вечного дня» (ожидаемого только в далеком будущем).

Г.— первый открывший мартирологический список уничтоженных новокрестьянских поэтов. Осенью 1924 его в числе группы молодежи (среди которых поэты братья П. и Н. Чеккрыгины) арестовывают по обвинению в принад-

лежности к «Ордену русских фашистов». За улику принимаются найденные у него при обыске тезисы «Мир и свободный труд — народам», содержащие откровенные высказывания против существующего режима: «Ясный дух народа предательски ослеплен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены <...> Россия, на протяжении столетий великими трудами и подвигами дедов и прадедов завоевавшая себе славу и независимость среди народов земного шара, ныне по милости пройдох и авантюристов повержена в прах и беславие, превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние <...> В лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту... За всеми словами о коммунизме, о свободе, равенстве и братстве народов таится смерть и разрушение...» Попытка автора выдать текст «тезисов» за фрагмент задуманного романа (списав тем самым криминал на счет отрицательного героя — «классового врага») не достигает результата. Г. был расстрелян в числе 7 человек, составляющих группу «ордена», как его глава.

Соч.: Звездный корабль: стихи. Вологда, 1920; Былинное поле. М., 1924; Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991; Мир и свободный труд народам: тезисы // Наш современник. 1992. № 1; Былинное поле. М., 2000.

Лит.: Парфенов Н. Алексей Ганин и его лит. судьба // Север. 1973. № 9; Куняев Ст. Жизнь и смерть поэта // Красный Север. 1989. 16–18 авг.; Протокол допроса А. Ганина и выдержки из заключения по его следственному делу / публ. Ст. Куняева // Наш современник. 1992. № 4; Дюжев Ю. Нас выслала вечность, вскормила изба // Север. 1998. № 10; С. А. Есенин и вологодские поэты А. А. Ганин и Н. А. Клюев. Вологда, 1995; Корохин Л. Алексей Ганин — друг Сергея Есенина. СПб., 1999.

А. И. Михайлов

ГАНИНА Майя Анатольевна [23.9.1927, Москва — 14.4.2005, г. Талез Чеховского р-на Московской обл.] — прозаик, публицист.

Родилась в семье служащих. Мать, Лидия Васильевна Ильинская, родом из Владимира. Отец, Анатолий Андреевич Ганин, сибиряк. Оба работали в Верховном суде СССР. После распада семьи Майю воспитывал отец. Она получила образование в Московском машиностроительном техникуме, после его окончания работала конструктором и мастером на ЗИСе и заочно училась в Лит. ин-те им. А. М. Горького.

М. А. Ганина

Работала корреспондентом московских изданий. С творческими командировками объехала всю Россию: Сибирь, Дальний Восток, Камчатку, Командорские о-ва, Хакасию, Среднюю Азию, Русский Север. Много ездила по центральной России. Псковщина, Ярославль, Углич — вот места ее творческих командировок. В 1950–70-е по заданию разных печатных органов ездила освещать строительство сибирских дорог: Сталинск–Абакан, Абакан–Тайшет, Тайшет–Лена, БАМ. Начала печататься в 1954 в ж. «Новый мир» (№ 10). Здесь была напечатана повесть Г. «Первые испытания» о судьбах молодых строителей.

В автобиографическом очерке «Мои дороги» Г. признавалась: «Я не умею придумывать, фантазировать. Все, о чем я писала, так или иначе происходило со мной или на моих глазах» (Ганина М. Избранное. М., 1983. С. 3). В этом признании скрыто определение собственного творческого стиля. Живые ситуации непринужденного общения помогли молодой писательнице обрести свой голос. «...Я всю жизнь коллекционирую слова... Мне приходилось слышать и записывать речь и „словечки“ молодых строителей, съехавшихся в Сибирь в послевоенные годы надежд и общего подъема — со всех концов России „за туманом и за запахом тайги“...» (Там же. С. 5).

С первых публикаций Г. отличает чуткость к русскому слову, лексическое богатство языка и интерес к народной речи. Некоторые очерки написаны на материале диалектоло-